

Сквозь строй

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#)

I

Мне вспоминается внутренность деревенского кабака: маленькие окна, бревенчатые стены, грязные сосновые столы и скамьи. За столами сидят мужики и пьют водку большими шкаликами из толстого зеленого стекла. Высокая стойка отгораживает полки с бутылками и огромную, тридцативедерную бочку с водкой. Около нее на стене висят разного калибра "мерки" – медные ковши, и кабатчик цедит в них из огромного крана бочки пахучую синеватую водку.

Кабак галдит; дверь, обитая рогожей, с кирпичом на веревке блока, постоянно отворяется и хлопает, в нее врываются клубы морозного воздуха, образуя белое облако; оно редет, и тогда в нем видны огромные фигуры, закутанные в тулупы и чапаны, с бараньими шапками на головах, с большими обледенелыми бородами.

Фигуры хлопают огромными рукавицами, снимают их и заскорузлой рукой стаскивают шапки, обнажая потные лысины; от лысин к потолку поднимается пар...

Ледяные сосульки, отдираемые с длинных усов и бород корявыми пальцами, тают. Слышатся крикание и приветствия кабатчику.

– Гавриле Петровичу! Хромому! Сто лет жить!

– И вам сто лет жить да двести на карачках ползать! – звучно отвечает кабатчик.

– Хо-хо-хо! – покатывается весь кабак. – Уж он скажет так скажет. В карман за словом не полезет, деревянная нога!

Кабатчик – сиделец от богача-хозяина, владельца почти всех кабаков уезда, – мой отец.

Он стоит за стойкой, облокотясь на нее большими, тяжелыми руками, и небрежно кидает мужикам складные прибаутки, поговорки и меткие слова.

Наружность его необыкновенно симпатична.

Он – худой, среднего роста, хорошо сложен, вид у него бравый. Лицо – энергичное, характерное, с резкими, сухими чертами – напоминает кардинала Ришелье: нос с горбиной, на щеках бороды нет, и только на подбородке эспаньолка, правильная, в виде лопаточки. Лицо смуглое, веселое и смелое, очень живое и выразительное. Волосы, длинные, русые, закинутые назад, вьются крупными кудрями.

Левая нога у него отрезана немного ниже колена, и он ходит на деревяшке, в широких брюках навыпуск. Одетый в длинный пиджак старинного покроя, он быстро поворачивается за стойкой и очень ловко владеет своей деревяшкой.

Он почти не вынимает изо рта коротенькую черную трубку, и над его густыми кудрями постоянно вьются голубые кольца табачного дыма.

– Гаврила Петрович! Гаврила Петрович! – дружелюбно гудит кабак.

И вот мой отец вынимает из-под стойки гусли и кладет их перед собой на стойку.

Они треугольные, столярной работы, со множеством струн. С широкого края гусель натянуты длинные стальные басы, обвитые тоненькой блестящей, серебристой проволокой; за ними идут медные, золотистые струны, одна другой короче и тоньше.

Отец засучивает рукава, обнаруживая мускулистые руки с крупными пальцами, и кладет руки на струны: правой рукой он берет аккорды всеми пальцами на басах и длинных струнах, а указательным пальцем левой руки проводит по всем струнам: звонкие, беспечные и наивные трели текут серебристым ручьем, а блестящие басы мягко рокочут долгим, расплывчатым звуком.

Кабак умолкает, и к стойке поворачиваются грубые бородатые лица полупьяных слушателей.

Загадочный, не то веселый, не то печальный мотив начинался медленно, басы неопределенно тянули нечто похоронное, но сквозь этот строй внезапно прорывались маленькие, лукавые и задорные трели.

И тогда гусли, закинув голову и молодцевато потряхивая кудрями, запевал с подмигивающим видом:

Ка-ак... на улице Варварин-скай!..

У него был хороший голос, какой-то теплый и грудной бас, не очень сильный, но чистый, мягкий.

Спит-ит-лежит мужик камаринска-ай!..